

Е.В.Рыжкова, Е.И.Кокконен

СОЦИАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ БРИТАНСКОГО УРБАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ THE GUARDIAN)

Рассматриваются проблемы социальной сегрегации и их отражение в британском урбанистическом дискурсе. Городское планирование и застройка — болезненный вопрос, вскрывающий проблемы разделения горожан по социальному признаку. Изоляция детских площадок, отсутствие доступа к ним выросли в городской дискурс о социальной дискриминации, вводя в дискурсивное поле многочисленных акторов, представляющих дискурс власти и дискурс горожан. Урбанистический дискурс стал основой взаимодействия участников в решении проблем открытости городской среды и социального благополучия горожан. Лингвистический и дискурсивный анализ ситуации позволил определить позиции участников, выявить их восприятие проблемы и понять когнитивные схемы, определяющие их вербальное поведение, а также дал возможность проследить динамику взаимодействия акторов и сделать выводы о возможности решения данной проблемы.

Ключевые слова: социальная сегрегация, урбанистический дискурс, дискурс-анализ, СМИ, «Гардиан»

Дискурс — понятие многоаспектное, рассматриваемое с разных позиций: теории речевых актов, лингвистической прагматики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистического анализа текста, конверсационного и дискурсивного анализа. Среди зарубежных ученых можно выделить работы Т. ван Дейка [1], Н.Фэркло [2], Р.Водак, М.Мейер [3], М.Фуко [4] и др. Западная парадигма исследований, зародившаяся в рамках структурной лингвистики, переросла в интердисциплинарную область исследований, в которой дискурс рассматривается как широкое явление, включающее психологические, социокультурные, историографические, прагматические и другие значимые аспекты коммуникативного события.

Российские исследователи обращаются к проблеме дискурса, в первую очередь, в русле медиалингвистики. Можно отметить наиболее значимые работы Н.Д.Арутюновой [5], Т.Г.Добросклонской [6], Л.Р.Дускаевой [7], В.И.Карасика [8], Т.В.Шмелевой [9] и др. Медиатексты, создаваемые в контексте *актуального* (курсив авторов) коммуникативного пространства, представляют ценный материал для изучения непосредственно развивающегося дискурса.

Основываясь на понимании дискурса в западной и российской парадигме исследований, можно сделать вывод о том, что дискурс — это: 1) актуальное коммуникативное событие, которое нашло отражение в письменных текстах и устной речи в определенном коммуникативном пространстве; 2) совокупность текстов, объединенных общей тематикой.

Среди множества разновидностей активно исследуются проблемы урбанистического дискурса. Современный город, который Л.Вирт определил как «характерный образ жизни групп людей» [10], по своей структуре естественно дискретен и неоднороден, несмотря на системы коммуникаций. В нем соприкасаются и взаимодействуют различные дискурсивные пространства, привносимые субъектами дискурса города. Это представители муниципальных властей, бизнеса, медиа, городские активисты, рядовые горожане различных социальных слоев со свойственными каждому сообществу коммуникативными привычками и практиками. Они порождают многоаспектный урбанистический дискурс, вскрывающий социальные проблемы, присущие городу.

Как отмечает А.Хастингс, ссылаясь на исследования Б.Бэдкок, в настоящее время понимание урбанистического дискурса смещается на восприятие города как «пространства представления, театра и действия, нежели территории неравенства и борьбы» [11]. Однако, социальный аспект по-прежнему остается актуальным, поскольку горожане, перестав быть объектом в системе муниципального управления, становятся не только активными участниками городского планирования, но и реформаторами городской среды. Этот процесс сопровождается конфликтами как между горожанами и властью, так и между интересами различных городских сообществ.

Л.Карстен [12] указывает, что дискурс городской среды формируется двумя равнонаправленными потоками информации: от власти к горожанам и от горожан к власти. Автор определяет эти виды как “top-down” (сверху — вниз) и “bottom-up” (снизу — вверх). Первый дискурс — дискурс власти — транслируется, по мысли О.А.Леонтович [13], центральными медиа и применяет агрессивные стратегии, конфликты и скандалы для привлечения внимания. Второй — дискурс горожан — возникает между горожанами и их сообществами, противостоит потоку негативной информации, основывается на интеллектуальной и культурной деятельности.

В рамках данной статьи будут рассмотрены проблемы социальной сегрегации и их отражение в урбанистическом дискурсе.

В качестве материала для данного исследования послужили медиатексты The Guardian. Критериями отбора послужила содержательная направленность статей на проблемы городского планирования и проектирования, способствующие социальной сегрегации. Комментарии читателей также принимались во внимание.

Методами исследования были выбраны контент-анализ, дискурсивный анализ и лингвистический анализ текста. Применялась следующая процедура анализа:

1. Определение социального явления — объекта наблюдения автора статьи. Рассматривались проблемы доступности детских площадок и рекреационных пространств.
2. Указание фактов и аргументаций, приводимых автором статьи.
3. Определение участников дискурса и их социальных параметров.
4. Характеристика социальных отношений участников дискурса.
5. Анализ особенностей поведения акторов — социальных групп или индивидов.
6. Лингвистические средства отражения отношения акторов к социальной проблеме и ее оценки.
7. Анализ когнитивных схем, определяющих вербальное поведение коммуникантов.
8. Констатация возможности / невозможности разрешения создавшейся социальной проблемы участниками данного дискурса.

Приведем анализ статьи, опубликованной в The Guardian 14.01.2020 — *The case for... designing cities around the needs of children* (Планирование городов с учетом потребностей детей) [14]. Развитие ситуации с изоляцией общественных рекреационных объектов прослеживается с марта 2019 до января 2020 года. За этот период было опубликовано 14 статей, отрывки из которых были включены в анализируемую публикацию.

В статье описывается ситуация, возникшая в одном жилом комплексе, включающем муниципальное и частное жилье. Застройщик возвел стену, закрыв части жильцов доступ к детской площадке. В результате образовались две неравные игровые зоны: просторная зеленая территория в части комплекса, где проживают собственники жилья, и узкая, засыпанная щепой зона для съемщиков муниципальных квартир. Разделение произошло уже после согласования проекта застройки в городском совете округа Ламбет, который предусматривал общую рекреационную площадку.

Эта ситуация встревожила матерей, проживающих в разных блоках комплекса, чьи дети дружат, учатся в одной школе, но не могут играть в одном дворе. Таким образом, матери-активисты, инициировав освещение этого вопроса в СМИ, вызвали возникновение анализируемого дискурса. Фактически проблема существовала с 2016 года, когда был сдан и заселен проблемный жилой комплекс, но в прессе освещение проблемы началось в 2019 году.

В анализируемой статье представлены точки зрения жильцов дома, как поддерживающих, так и не одобряющих активистов. Рассмотрение комментариев к статьям позволило выделить еще несколько акторов: люди, сочувствующие проблеме, и сторонники разделения участков, считающие это справедливым. Еще одну группу составили люди, ставшие жертвой подобной ситуации в других жилых комплексах. Все вышеуказанные акторы формируют *дискурс горожан*.

Дискурс власти представлен, в первую очередь, застройщиком, установившим забор, и двумя управляющими компаниями, каждая из которых независимо управляет двумя корпусами жилого комплекса. Публикации в прессе вызвали вовлечение в дискурс мэра Лондона, Министра жилищно-коммунального хозяйства, архитекторов.

Журналисты — авторы статей также являются участниками дискурса. Они выступают, с одной стороны, в роли «следователей», добывая факты и освещая точки зрения, с другой стороны, они становятся их интерпретаторами, отбирая материал для статей и создавая для читателя образы событий.

Именно освещение ситуации журналистами, адресация застройщику вопросов жильцов об изоляции детской площадки, привело к тому, что стена была снесена.

Как показало расследование The Guardian, не все матери, проживающие в собственных квартирах, знали о сложившейся ситуации с их соседями из муниципальных домов, и в общении с журналистами выразили возмущение по этому поводу. Таким образом, проблема крылась не в статусе и неравных правах двух социальных групп, а в позиции застройщика. Она заключалась в том, чтобы защитить права собственников жилья.

По мнению матерей-активистов, частные застройщики чаще всего в качестве причины называют расходы, которые требуются на обслуживание спортивного зала, кинотеатра или обустроенной зоны отдыха на крыше, поэтому собственники платят больше, а следовательно, по их мнению, имеют больше прав, чем съемщики муниципального жилья. Между тем плата за игровую зону незначительна.

К дискуссии подключился мэр Лондона — Садик Хан, который признал незаконными изолированные детские площадки, а также министр по жилищному строительству, который поднял вопрос о введении запрета на изоляцию игровых зон по всей стране.

Специалист по планированию среды, учитывающей индивидуальность детей, Дайна Борнат адресовала данный вопрос архитекторам и проектировщикам и признала, что, если бы матери не активизировались и не привлекли бы внимания к происходящему, вопросы городского планирования не стали бы вновь обсуждаться.

По мнению активистов, хотя проблема с детской площадкой решилась, позиция застройщиков остается неизменной: они не учитывают возможность существования смешанных сообществ, и утверждают, что наличие кварталов жилья повышенной комфортности приносит им доход, который позволяет строить доступные дома для муниципалитета.

Журналисты признают, что освещение проблемы современной городской сегрегации до сих пор находят отклик у жителей Лондона, и серия статей продолжается.

Активисты также признают, что, получив доступ к общему саду, люди не стали чувствовать себя комфортнее. Собственники квартир, снимающие их на видео, открыто дают им понять, что видят в них потенциальных нарушителей. Вместе с тем активисты признают, что подключение журналистов к освещению социально значимой проблемы позволяет бороться с сегрегацией.

Помимо жителей в обсуждение вопросов социальной изоляции и дискриминации включаются читатели не только из Англии, но и из других стран. В своих комментариях, сравнивая Великобританию и страны Европы, они отмечают, что это вопрос открытости городской среды, в которой дети могут социализироваться и расти в психологически благоприятной обстановке, вопрос их будущего — станут ли они полноценными членами общества или столкнутся с проблемами алкоголизма. Читатели также поднимают вопрос о позиции властей: мало хотеть зеленых зон, их нужно содержать, но проблема в том, что расходы перекадываются на жителей, отсюда и возникают идеи сегрегации.

Идея, которую пытаются донести авторы статьи: детская площадка как городской объект ассоциируется с игрой и отдыхом, а не с интересами застройщиков и архитекторов, равно как со статусом родителей детей и их социальным положением. Потребности детей важнее интересов бизнеса.

Анализ лингвистических средств показал, что выбор языковых единиц отвечает поставленной журналистами задаче. Информация, содержащаяся в комментариях, также подтверждает это. Приведем примеры:

1) *Segregated playgrounds may have been banned after our reporting, but developers are still failing to take kids into account.* (Изолированные детские площадки можно было бы запретить после нашего репортажа, но застройщики отказываются принимать во внимание ребятшек).

Это оценка ситуации журналистами. Сочетание эмоциональной и интеллектуальной оценки выражается такими лексическими средствами как негативный эпитет — *segregated playgrounds* (изолированные детские площадки), глагол с негативным значением, выражающий оценку действий застройщиков, — *fail to take into account* (отказываются принимать во внимание) и намеренное использование разговорной лексики — *kids* (детишки, ребятшки). Очевидно, что авторы выступают на стороне горожан, которых заботит доступность, безопасность и благоустроенность пространств, предназначенных для социального и физического развития детей.

Within hours of the story being published, ... all the major political parties condemned this “segregated playground”, and a few days later the developer, Henley Homes, backed down. Workers came in to tear down the wall.

Авторы подчеркивают, что именно публикация репортажа вызвала осуждение всех основных политических партий (*all the major political parties condemned*), а застройщик отступился (*the developer, Henley Homes, backed down*).

2) Цитируя специалиста по планированию среды, авторы снова демонстрируют свое отношение к проблеме: *“The story now comes up frequently,” she added. “People recognise it now as something to avoid.”*

То, что эта история «часто всплывает» (*comes up frequently*) напоминает о том, что таких ситуаций следует «избегать» (*avoid*). Здесь также выражается эмоциональная и интеллектуальная оценка. Наличие фразовых глаголов в приведенных выше примерах (*comes up, backed down, tear down*) также приближает текст информационно-аналитической статьи к разговорному функциональному стилю, таким образом выражая желание авторов показать, что инициатива идет от горожан. Это проблема, адресованная властям, но не исключающая поисков решения самими горожанами.

3) Более того, авторы статьи приводят слова матерей-активистов. *The extra cost added to a service charge for a playground is often minuscule.* (Добавочная стоимость на содержание площадки микроскопическая).

But while developers might be steering clear of something as obviously and literally offensive as walls in playgrounds, it’s clear that our cities are steadily being divided in many other ways. (Пока застройщики обходят стороной то, что очевидно и буквально оскорбительно — стены на детских площадках, ясно, что наши города уверенно разъединяются во многих отношениях).

Использование градуированной лексики (*minuscule, obviously and literally offensive*) также выражает интеллектуальную оценку и, с одной стороны, говорит о готовности горожан способствовать благоустройству своего района, не перекадывая всю ответственность на власти; с другой стороны, эта проблема не может решаться в одностороннем порядке.

Эта идея усиливается за счет включения метафор из цитируемой речи женщины-активиста.

Children are canaries in our coal mine: when they find it hard to play freely, it means we are building division into our cities. “I’m so glad we were able to help other people. But while a physical wall has come down, it is the mental walls that are harder to challenge”.

Авторы выбирают именно эти цитаты, поскольку метафоры создают яркий образ — «дети — канарейки в нашей угольной шахте» (*canaries in our coal mine*), «материальная стена пала, ментальную стену труднее пробить» (*a physical wall has come down, it is the mental walls that are harder to challenge*). Более того, первая из приведенных метафор, — символична. Вплоть до 1990-х годов британское горное законодательство обязывало держать в шахтах канареек для обнаружения газа. Смерть птичек означала, что рабочие должны покинуть шахту. В целом, авторам удалось создать образ незащитных детей и показать их уязвимость: они не могут противостоять взрослым и их стремлению получить выгоду. Дети как лакмусовая бумажка, которая вскрывает проблемы социальной сегрегации. Если эти проблемы не решать, какое поколение вырастет, как они будут определять будущее страны?

4) Давая оценку застройщику, авторы также прибегают к метафоре. *These developers, and the housing associations that manage the affordable homes, invariably point the finger of blame at one culprit: service charges.* (Застройщики и управляющие компании неизменно указывают пальцем на единственный корень зла — плату за обслуживание).

Следует отметить тот факт, что мнение самого застройщика представлено с точки зрения жителей муниципальных домов. Это свидетельствует о том, что журналисты не стали вновь обращаться к представителям застройщика, которые ранее цитировали утвержденные советом округа документы. Однако то, как авторы статьи представили ситуацию, создает негативный образ застройщика. Это человек, который считает людей, живущих в муниципальных квартирах, социально неблагополучными: они не в состоянии вносить плату за обслуживание, но хотят пользоваться площадками за счет собственников.

При этом съемщики предстают людьми, которые видят проблему в позиции застройщика и потому хотят донести, в первую очередь, до него свою точку зрения. Они готовы вносить разумную плату за игровые зоны и общественные сады, поскольку это — не спортзалы, кинотеатры или обустроенная зона отдыха на крыше, обслуживание которых стоит несоизмеримо больше. Активисты будут противостоять застройщикам, отстаивать свою позицию и проявлять инициативу в принятии решений по городскому планированию и застройке. Это дискурс горожан.

В статье также представлен дискурс власти. Мэр готов внести изменения в законодательство: *The mayor of London, Sadiq Khan, responded by outlawing segregated playgrounds in the city* (Мэр признал незаконными изолированные площадки в городе). Однако, его решение не может отменить то, что уже было изменено застройщиками после утверждения проектов. При этом подчеркивается, что архитекторы готовы обсудить создание проектов, принимающих во внимание потребности детей.

Сам факт, что в небольшом репортаже прилагательное «изолированный», повторяется десять раз в сочетаниях *segregated playgrounds, segregated developments, segregated play, segregated garden*, «сегрегация» и «разъединение» по три раза, свидетельствует о том, насколько сильный негативный отклик вызвала данная ситуация.

Читатели также включились в обсуждение проблемы, поделившись ссылкой на статью более 900 раз и оставив более 100 комментариев. В них они отмечают, что детям не рады в их же дворах (*children are pretty unwelcome ... on their own doorsteps*), выражают сомнения в том, что в такой обстановке они смогут стать здоровыми и полноценными членами общества (*they NEED (not want - need) to play with their friends to become healthy and well adjusted adults*). Читателей беспокоит, что вопрос должен восприниматься шире — не только о городском планировании, но и правах детей (*Not just the question of how housing estates are designed and used but the wider issue of children's right to play out*). Читатели также делятся своим опытом, объясняя почему приходится платить за игровые площадки: их ломают вандалы, а восстанавливают жильцы. Они не хотят видеть там посторонних, поскольку это означает лишние расходы. (*It has been vandalised twice, with residents picking up repair costs. This is the issue. ... Residents start seeing them not a public spaces to be enjoyed by all but rather as a cost they could do without.*).

То, что в статье приведены мнения и позиции активистов, мэра, министра по жилищному строительству, архитектора и, опосредованно, застройщиков, а также, интертекстуально, читателей, подтверждает идею о том, что урбанистический дискурс многоаспектный и интересубъектный.

Это свидетельствует о том, что проблемы городской сегрегации являются значимыми для урбанистического дискурса. Эта тема отражает социальный аспект у данного дискурса, поскольку отражает возможность / невозможность социальных изменений, которые раскрываются в медиатекстах. До тех пор, пока события, описанные в статьях и репортажах, актуальны, в тексте будут присутствовать гиперссылки и отсылки к ранее опубликованным материалам.

Лингвистический анализ показал, что выбор номинативных и атрибутивных лексических единиц в рамках социального дискурса может не только свидетельствовать о когнитивных структурах, лежащих в основе осмысления событий их участниками, но и вскрывает степень эмоциональной вовлеченности акторов в обсуждаемые проблемы. В выборе лексем проявляется их позиция, восприятие ситуации, прослеживается стратегия взаимодействия с оппонентами и тактики привлечения сторонников. Тщательный подбор лексем и стилистических средств журналистами позволяет также активно формировать позицию наблюдателя. Анализ когнитивных схем, определяющих вербальное поведение коммуникантов, позволяет увидеть структуру и динамику развития социально значимой ситуации и сделать выводы о возможности / невозможности решения существующей проблемы.

1. Dijk T. Van. Discourse and interaction. London: Sage, 1997. 324 p.
2. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. 2nd ed. London: Longman, 2010. 510 p.
3. Wodak R. & Meyer M. Methods of critical discourse analysis. 2nd edn. London: Sage, 2009. 240 p.
4. Foucault M. The archaeology of knowledge. London: Tavistock Publications, 1972. 218 p.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.

7. Дускаева Л.Р. Медиастилистика в России: традиции и перспективы // Журналистика и культура речи. 2011. № 3. С. 7-25.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 270-287.
9. Шмелева Т.В. Медийное речеvedение: сборник статей [Электр. ресурс]. СПб., 2012. URL: jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf (дата обращения: 29.01.2020).
10. Wirth L. Urbanism as a Way of Life [Электр. ресурс] // The American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 4. Published by: The University of Chicago Press. URL: <http://www.jstor.org/stable/2768119> (дата обращения: 29.01.2020).
11. Hastings A. Discourse and Urban Change: Introduction to the Special Issue [Электр. ресурс] // Urban Studies. 1999. Vol. 36. № 1. P. 8.
12. Karsten L. From a top-down to a bottom-up urban discourse: (re) constructing the city in a family-inclusive way // Journal of Housing and the Built Environment. 2009. Issue 24. P. 317-329. DOI 10.1007/s10901-009-9145-1.
13. Leontovich O. New forms of urban discourse as a reflection of social change // Communication Studies (Russia). 2019. Vol. 6. № 3. P. 649.
14. Grant H. & Michael C. The case for ... designing cities around the needs of children [Электр. ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2020/jan/14/the-case-for-designing-cities-around-the-needs-of-children> (дата обращения: 29.01.2020).

References

1. Dijk T. Van. Discourse and interaction. London: Sage, 1997. 324 p.
2. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. 2nd ed. London: Longman, 2010. 510 p.
3. Wodak R. & Meyer M. Methods of critical discourse analysis. 2nd edn. London: Sage, 2009. 240 p.
4. Foucault M. The archaeology of knowledge. London: Tavistock Publications, 1972. 218 p.
5. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. In: Yartseva V.N., ed. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. Moscow, 1990, pp. 136-137. (In Russ.).
6. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech [Medialinguistics: a systematic approach to the study of media language: modern English media speech]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 264 p. (In Russ.).
7. Duskayeva L.R. Mediastilistika v Rossii: traditsii i perspektivy [Media stylistics in Russia: traditions and prospects]. Zhurnalistika i kultura rechi, 2011, no. 3, pp. 7-25. (In Russ.).
8. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, pp. 270-287. (In Russ.).
9. Shmeleva T.V. Mediynoye rechevedeniye: sbornik statey [Media speech: a collection of papers]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University, 2012. Available at: jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf (accessed: 29.01.2020) (In Russ.).
10. Wirth L. Urbanism as a Way of Life. The American Journal of Sociology, 1938, vol. 44, no. 1, p. 4. Published by: The University of Chicago Press. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2768119>. (accessed: 29.01.2020)
11. Hastings A. Discourse and Urban Change: Introduction to the Special Issue. Urban Studies, 1999, vol. 36, no. 1, p. 8.
12. Karsten L. From a top-down to a bottom-up urban discourse: (re) constructing the city in a family-inclusive way. Journal of Housing and the Built Environment, 2009, iss. 24, pp. 317-329. DOI 10.1007/s10901-009-9145-1.
13. Leontovich O. New forms of urban discourse as a reflection of social change. Communication Studies (Russia), 2019, vol. 6, no. 3, p. 649.
14. Grant H. & Michael C. The case for ... designing cities around the needs of children. Available at: <https://www.theguardian.com/cities/2020/jan/14/the-case-for-designing-cities-around-the-needs-of-children>. (accessed: 29.01.2020).

Ryzhkova E.V., Kokkonen E.I. Social segregation in the context of British urban discourse (a case study of The Guardian). The article discusses the problems of social segregation and their reflection in the British urban discourse. Urban planning and development is a painful issue raising concerns for dividing citizens on a social basis. The segregated playgrounds and the lack of access to them have grown into urban discourse on social discrimination, introducing numerous actors that represent the discourse of power and that of citizens into the discursive field. Urban discourse has become the basis for the interaction of participants in solving the problems of an unfriendly urban environment and the social well-being of citizens. A linguistic and discourse analysis of the situation made it possible to determine the perception of the problem from the viewpoint of the participants, and understand the cognitive schemes that determined their verbal behavior. It also provided useful insights into the dynamics of the actors' interaction and allowed the authors to draw conclusions about the possibility of solving this problem.

Keywords: social segregation, urban discourse, discourse analysis, media, the Guardian.

Сведения об авторах. Елена Владимировна Рыжкова — кандидат филологических наук, доцент, кафедра билингвального образования, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-4689-1537; yelena.ryzhkova@novsu.ru; Елена Иогановна Кокконен — кандидат психологических наук, доцент, кафедра билингвального образования, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-2860-1791; keli77@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.